

Е. И. Пляскина

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЙ ДУХОВНОЙ ЦЕННОСТИ
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ЗАБАЙКАЛЬСКИХ КАЗАКОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА К. Ф. СЕДЫХ «ДАУРИЯ»)**

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

Аннотация. Целью статьи является раскрытие особенностей репрезентации основополагающей духовной ценности забайкальских казаков в их языковой картине мира, которая отражена в языке романа К. Ф. Седых «Даурия», описывающего жизнь и быт забайкальских казаков в начале XX в. Актуальность исследования обусловлена все более усиливающимся интересом общества к этой части русского этноса, а также возрождением как казачества в целом, так и забайкальского казачьего войска в частности. Решались следующие задачи: выбрать из текста романа фразеологические единицы, содержащие компоненты «Бог (Боже)», «Господь (Господи)»; интерпретировать их, проводя семантический анализ контекстов употребления; выявить общерусские и региональные; отметить наиболее частотные. Объектом исследования явилась фразеология романа К. Ф. Седых «Даурия». Всего рассмотрено 30 фразеологических единиц, в том числе и пословиц, третья часть – оригинальные забайкальские, которые и обнаруживают своеобразие языковой картины мира казаков.

Ключевые слова: языковая картина мира, ценность, духовные ценности, фразеологические единицы, диалектные (локально ограниченные) фразеологические единицы.

Е. I. Plyaskina

**REPRESENTATION OF FUNDAMENTAL SPIRITUAL VALUE
IN THE LANGUAGE PICTURE OF THE TRANSBAIKAL COSSACKS
(AS EXEMPLIFIED IN THE NOVEL «DAURIA» BY K. F. SEDYKH)**

Transbaikal State University, Chita, Russia

Abstract. The purpose of this article is to describe the features of representation of the fundamental spiritual value of Transbaikal Cossacks in their linguistic picture of the world, which is reflected in the language of the novel «Dauria» by K. F. Sedykh, describing the life of Cossacks in the early 20th century. The relevance of the study is due to the increasing interest of society in this part of the Russian ethnos, as well as the revival of both the Cossacks in general and the Transbaikal Cossack army in particular. In the course of the study, the author solved the following tasks: to choose from the text of the novel phraseological units containing the components God, Lord; to interpret them by conducting a semantic analysis of the contexts; to identify the all-Russian and regional phraseological units; to specify the most frequent ones. The object of the study was the phraseology of the novel «Dauria» by K. F. Sedykh. The author examined a total of 30 phraseological units, including proverbs (the third of which are the Transbaikal ones) that reveal the uniqueness of the linguistic picture of the world of Cossacks.

Keywords: language picture of the world, value, spiritual values, phraseological units, dialect (locally limited) phraseological units.

Актуальность исследуемой проблемы. Так как языковая картина мира (далее – ЯКМ), как считают ученые, формируется самобытной системой каждого конкретного языка, она национально специфична [7, с. 68], [10, с. 9]; а поскольку язык не представляет собой нечто монолитное, но состоит из разновидностей (или, по терминологии

А. Д. Шмелева, подъязыков), в число которых входят и территориальные диалекты, отражающие своим лексическим и фразеологическим составом особенности мировосприятия своих носителей, ЯКМ имеет отличия и в рамках одного языка, которые находят «свое отражение в семантике языковых единиц, используемых в подъязыках, обслуживающих соответствующие системы» [17, с. 15]. Увидеть, обнаружить эти отличия – важная задача исследователя региональной языковой картины мира, которая, по мнению А. С. Щербак, является вариантом диалектной картины мира, свойственной жителям отдельных регионов и носителям определенных диалектов [18, с. 16]. (Диалектная картина мира по сравнению с региональной – более широкое понятие, она отражает мировосприятие части русского этноса, живущей в сельской местности и общающейся на различных диалектах в целом, региональная же – только той части, которая общается на диалектах, бытующих в определенном регионе.)

Актуальность задачи выявления особенностей ЯКМ забайкальских казаков определяется ее неизученностью и не вызывает сомнений, так как они (казаки) – часть, с одной стороны, русского этноса, с другой – этноса, переселившегося по разным причинам на отдаленную окраину государства 200–300 лет назад. Жизнь в новых условиях, в соседстве с аборигенами края, имеющими другую культуру, не могла не наложить отпечаток на мировидение и мировосприятие забайкальских казаков. Тем более что в 90-е гг. XX в. начался процесс возрождения забайкальского казачества, обращения к его истокам. Одним из его ярких представителей был известный русский писатель К. Ф. Седых, который родился (в 1908 г.) и вырос в казачьей семье в поселке Поперечный Зерентуй Нерчинско-Заводского района Читинской области (в настоящее время – Забайкальского края). Поэтому логично предположить, что в его романе «Даурия», описывающем жизнь забайкальских казаков начала XX в., достаточно точно отражена их ЯКМ. Реалистичность повествования отмечают и литературные критики: «Обаяние „Даурии“ заключается „в необычайной правдивости, простоте и горячей взволнованности“» [6, с. 431].

Цель статьи – описать своеобразие репрезентации основополагающей духовной ценности, а именно – *Бог*, средствами фразеологии в ЯКМ забайкальских казаков; предметом являются фразеологические единицы (далее – ФЕ), репрезентирующие ее. Именно устойчивые сочетания слов, воспроизводимые и имеющие целостное значение, «отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы» [7, с. 82]. По мнению В. Н. Телия, ФЕ как бы навязывают носителям языка особое видение мира, ситуации [14, с. 83], поэтому их можно интерпретировать с позиций ценностных установок, сложившихся в той или иной части общества и свойственных ее менталитету. Ценность – это важность, значимость чего-либо [13, т. 4, с. 640]; к духовным ценностям относятся представления, понятия, связанные, с одной стороны, с внутренним, нравственным миром человека, с другой – с религией, церковью. Ценность базируется на оценке (мнении, суждении о качестве, достоинстве, значении кого-либо, чего-либо [13, т. 2, с. 730]), а оценка, считает Н. Д. Арутюнова, зависит от норм, принятых в том или ином обществе или его части [1, с. 6].

Материал и методика исследований. Материалом исследования послужил текст романа К. Ф. Седых «Даурия», при анализе которого были использованы культурно-исторический, герменевтический и описательный методы, а также контролируемого отбора ФЕ, семантического анализа содержащих их контекстов и лексикографической инвентаризации рассматриваемых ФЕ.

Результаты исследований и их обсуждение. Нормой у забайкальских казаков в начале XX в. было верить в Бога; ценность *Бог* является основополагающей, на ней зиждутся все духовно-нравственные установки. Эту ценность репрезентируют 30 ФЕ, употребленных в романе К. Ф. Седых «Даурия»: *Бог милостив; Если сам плох – не по-*

может Бог; Коли сам плох – не подаст Бог; На Бога надейся, но и сам не плошай; Береженого и Богу легко беречь; крест на ворота, креста на ворота нет, показать, где Бог, а где порог, знать, как у Бога бабушку зовут, Господи, Боже мой, Бог на помощь, с Богом, Бог надоумил, оборони Бог, слава Богу, слава Господу, Бог видит, молить Бога, Господа-бога побойся, не гневи Бога, нечего Бога гневить, прости Господи, дал Бог, дай Бог, дай Господь, даст Бог, ради Бога, Христа ради, Бог с ним, ну его (тебя) к Богу.

Среди них есть ФЕ, по структуре равные предложению и выражающие законченную мысль, которые традиционно относят к пословицам. По мнению В. И. Даля, пословица – это суждение или поучение [2, с. 13], В. М. Мокиенко определяет ее как «логически законченное образное или безобразное изречение афористического характера, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией» [8, с. 10]. Это следующие ФЕ: *Бог милостив; Если сам плох – не поможет Бог; Коли сам плох – не подаст Бог; На Бога надейся, но и сам не плошай; Береженого и Богу легко беречь; Крест на ворота; Креста на ворота нет.*

Другие представляют собой сочетания слов с целостным значением – фразеологические обороты; и те, и другие характеризуются воспроизводимостью и устойчивостью значения.

Большинство ФЕ имеет общерусский характер, то есть зафиксировано в толковых словарях и сборниках пословиц или находится в вариантных отношениях с ними (критерий разграничения – их лексическое наполнение, а именно состав компонентов), но есть ФЕ и локально ограниченного или диалектного характера (отсутствуют в толковых словарях и сборниках пословиц), которые и обнаруживают своеобразие языковой картины мира забайкальских казаков.

Далее представлены контексты употребления ФЕ в романе, результаты семантического анализа контекстов и результаты поиска их фиксации в словарях и сборниках пословиц.

Пословица *Бог милостив* выражает «утешение, обнадежение, авось» [3, с. 103], в этом же значении употреблялась забайкальскими казаками:

- Как бы они казаков пулями не переметили.
- Авось сойдет, бог милостив...» [12, с. 54].

Употребляя *Если сам плох – не поможет Бог* и *Коли сам плох – не подаст Бог* (общерусский вариант *Коли сам плох, так не даст и Бог* [11, т. 1, с. 370]), казаки понимали, что надеяться только на Бога недостаточно, в мирное время нужно много трудиться, а на войне быть умелым и ловким воином: «Отец-покойник, бывало, учил меня: «*Коли сам плох – не подаст бог*» [12, с. 108]; «Вспомни старую пословицу: *если сам плох – не поможет бог*. Справедливая пословица. По ней и жить надо, пока живется» [12, с. 305]. (Региональный вариант *Коли сам плох, не подаст и Бог* широко распространен в забайкальской народной речи [4, ч. 2, с. 201].)

Синонимична им пословица *На Бога надейся, но и сам не плошай*, зафиксированная В. И. Далем (с союзом *а*, вместо *но и*) [3, с. 103], [11, т. 1, с. 26]: «Если бы я так на японской войне думал, меня бы десять раз убили. А я на бога надеялся, но и сам не плошал. А береженого и богу легко беречь...» [12, с. 343]. *Береженого Богу легко беречь* представляет собой региональный вариант общерусской в наше время (у В. И. Даля нет) пословицы *Береженого (сам) Бог бережет*, зафиксированной в 4-хтомном «Словаре русского языка» [13, т. 1, с. 79] под редакцией А. П. Евгеньевой (далее – МАС) и «Толковом словаре русского языка» [9, с. 44] С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой (далее – ТСОШ) в словарной статье к просторечному слову *береженный*.

Крещенные в православную веру, казаки носили нательный крест и старались жить, сообразуясь с заповедями Христа; употребление в речи региональной пословицы *Крест на ворота* было подтверждением этого: «Что ты, Кеха... Да ты за кого считаешь меня? У меня *крест на ворота*» [12, с. 256]. Недостойное же поведение связывалось с отсутствием креста как указанием на отсутствие веры в Бога: «Эх, дядя! *Креста* у тебя на во-

роте нет, – узнав Никифора, крикнул он плачущим голосом» [12, с. 53]; «Изверг!.. Аспид!.. Креста у тебя на воротах нет...» [12, с. 172]. Общерусский вариант – *Креста нет (на ком-либо)* [16, с. 277].

ФЕ *показать, где Бог, а где порог* использовалась хозяином дома в том случае, если гость вел себя неподобающе: «Покомандуй еще, так я тебе покажу, где бог, а где порог...» [12, с. 217]; общерусский разговорный вариант *Вот Бог, а вот порог* тоже является предложением уйти, убраться вон [9, с. 564].

Грозное предположение-пожелание смерти репрезентируется региональной ФЕ *узнать, как у Бога бабушку зовут*, так как по христианским представлениям душа умершего поднимается на небо, к Богу: «Ах ты, буржуй недобитый! Кровосос! Все вы тут сволочь на сволочи. Подождите, скоро узнаете, как у бога бабушку зовут» [12, с. 335]. Эта единица интерпретируется Т. Ю. Игнатович немного по-другому: «испытывать серьезные трудности» [5, с. 223].

Восклицательное обращение к Богу *Господи, Боже мой!* использовалось для выражения сильных эмоций: удивления, испуга, огорчения: «*Господи, боже мой!* – воскликнул Северьян. – Зарод зажгло! Да что же это такое деется? – схватился он за голову» [12, с. 142]. Общерусские восклицания *Боже!*, *Боже мой!* и *Господи!*, зафиксированные в ТСОШ и МАС как отдельные, передают несколько другие эмоции: удивления, недоумения, негодования, радости и т. п. [9, с. 53], [13].

Приветствие-пожелание *Бог на помощь* адресовалось тем, кто трудится: «*Бог на помощь!* – поприветствовал девок Роман» [12, с. 17]. ТСОШ считает вариант этой ФЕ *Бог (в) помощь (помочь)!* устаревшим и областным, МАС не фиксирует, у В. И. Даля есть оба, причем помету имеет только тот, что употреблен в романе, – *арх.* (архангельское) [3, с. 103]. В качестве другого пожелания Божьей помощи в деле, а также успеха в нем использовали ФЕ *с Богом*: «Давайте поготорим... Распланируем, как оно и откуда, да и тронемся *с Богом*» [12, с. 131]. Она же выступает и как разрешение какого-либо действия: «Коли такое дело, *с богом*, парень, хоть и рано оно...» [12, с. 179]. Эта ФЕ с тем же значением представлена в словарях [3, с. 103], [13, т. 1, с. 101], [9, с. 53].

Помощь Бога (в виде интуиции) в каком-либо сложном, рискованном деле репрезентируется региональной ФЕ *Бог надоумил*: «Ну, ребятки, вовремя вас *бог надоумил*. Хотели мы с Петрухой нынче же податься от вас вместе с золотишком, да не выгорело оно» [12, с. 120]. Значение диалектного слова *надоумить* – «подсказать, дать совет»; в целом значение ФЕ близко первой части пословицы *Бог даст совет, так и в пост мясоед* [11, т. 1, с. 27].

ФЕ *оборони Бог* выражает желание человека уберечься от неблагоприятных поступков: «Что ты, что ты, теть. Да *оборони бог* меня от этого, – забожился Лука» [12, с. 199]; «*Оборони* меня *бог* с тобой связываться» [10]. Общерусские варианты – *помилуй, избави (или сохрани, упаси) Бог* [3, с. 103], [13, т. 1, с. 101].

Употребляя благодарственные восклицания *слава Богу* (общерусское) [3, с. 103] и *слава Господу* (региональное), казаки таким образом воздавали ему должное за помощь: «Да ты, девка, чего меня, как покойничка, встречаешь? – хрипло рассмеялся Семен. – Я, *слава богу*, жив» [12, с. 121]; «Пускай дураки на лбу шишки набивают, им все равно больше нечего делать. А у меня, *слава богу*, забот хватает» [12, с. 305]; «Я, *слава господу*, до восьмидесяти пяти дожил» [12, с. 189].

По представлениям казаков, *Бог видит*, что человек хочет сделать, читает его мысли, понимает его действия: «И трахну, *видит бог*, трахну, ежели не отстанет!» [12, с. 324]. Эта региональная ФЕ (то есть отсутствующая в словарях русского языка и сборниках пословиц) совпадает и по форме, и по значению с первой частью пословиц *Бог видит, кто кого обидит* (или: *кто кого любит*), *Бог видит, кто куда* (или: *что куда*) *идет* и *Бог видит, да нам не сказывает* [11, т. 1, с. 25]; близка пословице *Один только Бог видит (слышит) нас* [3, с. 103].

В сложных ситуациях советовали *молить Бога*: «*Моли, Забережный, бога за то, что на смотру молодцом был. Да и вы молитесь оба...*» [12, с. 97]; «*Ну, моли бога, что я тут пригодился, – сказал Семен*» [12, с. 425]; «*Не губите, ваше благородие! Заставьте бога молить за вас...*» [12, с. 299]. Она имеет значение «благодари Бога» (от свободного словосочетания *молить Бога* отличается семантикой) и синонимична общерусской *Благодари Бога*, зафиксированной только в ТСОШ [9, с. 53].

ФЕ *Господа-Бога побойся* репрезентирует мысль о том, что его надо бояться и из этой боязни не совершать постыдных поступков: «*Господа-бога, молодуха, побойся. Опомнись, погляди, на кого ты ухват подняла*» [12, с. 213]; она, очевидно, является второй частью общерусской поговорки *Никого не бойся, только Бога бойся* [3, с. 103], региональное своеобразие ей придает и составное слово *Господь-Бог*, широко распространенное до сих пор в забайкальских говорах. Современные словари фиксируют ФЕ *побойся (побойтесь) бога!* с близким значением: «имейте совесть, пощадите» [13, с. 101], «имейте совесть, постыдитесь» [9, с. 53].

Казачи, как и все русские, считали, что Бога нельзя, нежелательно гневить, что отражено общерусскими ФЕ, зафиксированными в ТСОШ [9, с. 134], *не гневи Бога* и *ничего Бога гневить*: «*Не выглядывай, не гневи бога. Неровен час и ударит*» [12, с. 299]; «*Бога гневить ничего, богатства нет, да есть достаток*» [12, с. 170].

У Бога просили прощения за неблагоприятные предположения, грубые слова прямо в разговоре: «*Женишься вот, возьмешь, прости господи, вертихвостку какую-нибудь*» [12, с. 189]. Эта общерусская ФЕ указывает на резкость высказанной оценки, суждения [13].

ФЕ *дал Бог* отражает представление казаков о том, что все в мире, в том числе и люди, сотворено Богом, который наделил их тем или иным: «*Да ведь как отчитывает, как отчитывает! И дал же ей бог язык*» [12, с. 173]. Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» она дана с иным значением: «пришлось, привелось (увидеться, сойтись, встретиться)» [15, с. 29]; различия в семантике дают основание квалифицировать ФЕ говора как региональный вариант общерусской.

С этим представлением связано и пожелание исполнения задуманного или какого-то действия, чего-либо, которое выражается общерусской ФЕ *дай Бог* [3, с. 103], [13], [9, с. 52] и региональной *дай Господь*: «*Ну, Ромка, коня тебе выберу ай-да люли! – Дай бог, – сказал Северьян*» [12, с. 290]; «*Мы постараемся, чтобы нам вперед довелось стрелять по ним. – Дай-то бог!*» [10]; «*Ну, ежели не врешь, то дай бог...*» [12, с. 268]; «*Домой, значит, едете? – Да, едем... – Дай бог скорее доехать*» [12, с. 318]; «*От своего казацкого звания, дай вам бог здоровья, вы отказались*» [12, с. 327]; «*Свела его, видно, жизнь не с ворами и мошенниками, а с большими людьми, дай им господь здоровья*» [12, с. 297].

Надежда, репрезентируемая общерусской ФЕ *даст Бог* [9, с. 52] тоже связана с представлением о могуществе Бога: «*Даст бог, героем вернется, ежели в меня вышел*» [12, с. 191]; «*Проживу, даст бог, без твоих забот*» [12, с. 207]; «*Вот бы хорошо его увидеть! – Даст бог и увидишь*» [12, с. 412].

Общерусские ФЕ *ради Бога* [3, с. 103], [9, с. 53] и *Христа ради* [9, с. 871] использовались для усиления просьбы: «*Ладно, не кричи ты ради бога*» [12, с. 22]; «*Воды давайте, воды... Помогите же ради бога...*» [12, с. 112]; «*Да ты скажи ради бога, что подделалось? – не вытерпела Авдотья*» [12, с. 182]; «*Да подайте же ради бога утку*» [12, с. 264]; «*Да подожди ты Христа ради!*» [10]; а общерусская ФЕ *Бог с ним* [9, с. 53] – для выражения уступки: «*Да бог с ним, с богатством, ежели ей жених не по душе*» [12, с. 173]. Выражение *Ну его (тебя) к Богу*, зафиксированное только в ТСОШ [9, с. 53], употреблялось в случаях, когда казаки не желали по разным причинам иметь дело с кем-нибудь или разговаривать: «*Боязно, паря, с ним связываться... Ну его к богу*» [12, с. 89]; «*Ленка, – сказал он, пойдем на пару слов. – Ну тебя к богу*» [12, с. 193]; «*Ну тебя к богу, – отмахнулся от него смущенный сват*» [12, с. 282].

Резюме. Итак, основную духовную ценность забайкальских казаков репрезентируют в их ЯКМ 30 ФЕ, большинство из которых включает компонент *Бог*. Пословицами, то есть ФЕ, равными предложению и имеющими обобщенный смысл, являются 7: *Бог милостив, Если сам плох – не поможет Бог, Коли сам плох – не подаст Бог, На Бога надейся, но и сам не плошай, Береженого и Богу легко беречь, Крест на ворота, Креста на ворота нет*; из них 4 имеют назидательный смысл (*Если сам плох – не поможет Бог, Коли сам плох – не подаст Бог, На Бога надейся, но и сам не плошай, Береженого и Богу легко беречь*), 3 оставшиеся представляют собой результаты обобщенных наблюдений – суждения.

Наиболее активны (частотны) ФЕ *дай Бог, даст Бог, ради Бога, ну его (тебя) к Богу, слава Богу, с Богом, оборони Бог, молить Бога*.

Общерусскими считаются 12 ФЕ (примерно третья часть): *Бог милостив, с Богом, слава Богу, прости Господи, дай Бог, даст Бог, не гневи Бога, Бога нечего гневить, ради Бога, Христа ради, Бог с ним, ну его (тебя) к Богу*. Они отражают отношение к Богу еще их предков, перешли к забайкальским казакам по наследству и бытуют и сегодня. Восклицание-пожелание *Бог на помощь!*, которое принесли в Забайкалье архангелогородцы, хотя и необщерусское, тоже получено по наследству.

10 ФЕ являются региональными вариантами общерусских, то есть отличаются или составом лексических единиц при сохранении того же смысла (*Если сам плох – не поможет Бог, Коли сам плох – не подаст Бог, На Бога надейся, но и сам не плошай, Креста на ворота нет (у кого), Береженого и Богу легко беречь, показать, где Бог, а где порог, Господи, Боже мой!, Господа-Бога побойся, оборони Бог*), или семантическим наполнением (*дал Бог*).

Крест на ворота, узнать, как у Бога бабушку зовут, Бог надоумил, слава Господу, дай Господь, Бог видит, моли Бога (всего 7) – оригинальные забайкальские ФЕ, не зафиксированные ни В. И. Далем, ни современными составителями словарей.

Таким образом, репрезентация основополагающей духовной ценности в ЯКМ забайкальских казаков имеет особенности, которые обнаруживаются в наличии 10 региональных вариантов общерусских ФЕ и 7 собственно региональных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М. : Наука, 1988. – 338 с.
2. Даль В. И. Напутное // Пословицы русского народа : в 2 т. – М. : Худож. лит-ра, 1984.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 1. – М. : Русский язык, 1981. – 699 с.
4. Игнатович Т. Ю. Мирвосприятие забайкальцев в образах русской народно-разговорной речи // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество : материалы Международной научной конференции : в 3 ч. – Чита, 2017.
5. Игнатович Т. Ю. Репрезентация веры в Бога и суеверий в забайкальской русской народной фраземике // Русский язык в современном Китае : сборник научно-методических статей VI Международной научно-практической конференции. – Чита, 2018. – 247 с.
6. Макарова Е. Константин Седых // Седых К. Ф. Даурия. – Иркутск : Вече, 1975. – С. 429–431.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М. : Академия, 2004. – 208 с.
8. Мокиенко В. М. Современная паремология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. – 2010. – № 3. – С. 6–20.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М. : А Темп, 2010. – 874 с.
10. Пименова М. В. Языковая картина мира. – СПб. : СПбГУ, 2011. – 106 с.
11. Пословицы русского народа. Сборник В. И. Даля : в 2 т. – М. : Худож. лит-ра, 1984.
12. Седых К. Ф. Даурия. – Иркутск : Восточно-Сибирское изд-во, 1975. – 431 с.
13. Словарь русского языка : в 4 т. – М. : Русский язык, 1981.
14. Телия В. Н. Что такое фразеология? – М. : Наука, 1966. – 86 с.
15. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Федоров. – М. : АСТ, 2001. – 720 с.
16. Фразеологический словарь русского языка под ред. А. И. Молоткова. – М. : Русский язык, 1978. – 543 с.

17. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.

18. Щербак А. С. Проблемы изучения региональной ономастики // А. С. Щербак. Ономастикон Тамбовской области : монография. – Тамбов : ТГУ, 2006. – 293 с.

Статья поступила в редакцию 28.06.2019

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Tipy yazykovykh znachenij. Ocenka. Sobytie. Fakt. – M. : Nauka, 1988. – 338 s.
2. Dal' V. I. Naputnoe // Poslovice russkogo naroda : v 2 t. – M. : Hudozh. lit-ra, 1984.
3. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka : v 4 t. T. 1. – M : Russkij yazyk, 1981. – 699 s.
4. Ignatovich T. Yu. Mirovospriyatие zabajkal'cev v obrazah russkoj narodno-razgovornoj rechi // Pri-granichnyj region v istoricheskom razvitiі: partnerstvo i sotrudnichestvo : materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii : v 3 ch. – Chita, 2017.
5. Ignatovich T. Yu. Reprezentaciya very v Boga i sueverij v zabajkal'skoj russkoj narodnoj frazemike // Russkij yazyk v sovremennom Kitae : sbornik nauchno-metodicheskikh statej VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Chita, 2018. – 247 s.
6. Makarova E. Konstantin Sedyh // Sedyh K. F. Dauriya. – Irkutsk : Veche, 1975. – S. 429–431.
7. Maslova V. A. Lingvokul'turologiya. – M. : Akademiya, 2004. – 208 s.
8. Mokienko V. M. Sovremennaya paremiologiya (lingvisticheskie aspekty) // Mir russkogo slova. – 2010. – № 3. – S. 6–20.
9. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. – M : A Temp, 2010. – 874 s.
10. Pimenova M. V. Yazykovaya kartina mira. – SPb. : SPbGU, 2011. – 106 s.
11. Poslovice russkogo naroda. Sbornik V. I. Dal'ya : v 2 t. – M. : Hudozh. lit-ra, 1984.
12. Sedyh K. F. Dauriya. – Irkutsk : Vostochno-Sibirskoe izd-vo, 1975. – 431 s.
13. Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. – M. : Russkij yazyk, 1981.
14. Teliya V. N. Chto takoe frazeologiya? – M. : Nauka, 1966. – 86 s.
15. Frazеологический slovar' russkogo literaturnogo yazyka / sost. A. I. Fedorov. – M. : AST, 2001. – 720 s.
16. Frazеологический slovar' russkogo yazyka pod red. A. I. Molotkova. – M : Russkij yazyk, 1978. – 543 s.
17. Shmelev A. D. Russkij yazyk i vneyazykovaya dejstvitel'nost'. – M. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002. – 496 s.
18. Shcherbak A. S. Problemy izucheniya regional'noj onomastiki // A. S. Shcherbak. Onomastikon Tambovskoj oblasti : monografiya. – Tambov : TGU, 2006. – 293 s.

The article was contributed on June 28, 2019

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-012-00270 «Русский язык в полиэтническом Забайкалье: динамический аспект»)

Сведения об авторе

Пляскина Елена Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия, e-mail: PlyaskinaEI@mail.ru

Author information

Plyaskina, Elena Ivanovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Teaching Methods, Transbaikal State University, Chita, Russia; e-mail: PlyaskinaEI@mail.ru